

Еле уловимое, едва заметное колебание духовной силы промелькнуло и тут же исчезло. Цзи Чаоань взмахнул мечом по горизонтали, срубил крышку Клетки Пяти Громов, выудил оттуда кролика, сунул его за пазуху, а затем стремительно выскочил за дверь и бросился в погоню изо всех сил.

Однако он успел лишь заметить чью-то фигуру, промелькнувшую среди сорной травы и перепрыгнувшую через стену.

Среди бела дня и перемахивать через забор — к счастью, в Грязевом переулке было глухо, патрульные стражники заглядывали сюда крайне редко, так что за дверью по-прежнему царила тишина.

Но Цзи Чаоань не смел медлить: он повернул назад, вернулся в скрытый под землей просторный дом и тщательно осмотрел тела. Как и ожидалось, на груди у каждого синей тушью были выбиты узоры в виде созвездия Яо: большой круг посередине символизировал саму звезду Яо, а вокруг него ровным кольцом располагались десять маленьких кружков-звезд.

Большой круг был пустым, а из маленьких кружков девять оставались пустыми, и лишь один был закрашен черным. Позиции закрашенных черным кружков на груди у Хуан Шоу, Сюань Людао и той женщины различались.

Что же до того юнца, то он был полон ядовитой крови, и Цзи Чаоань вовсе не горел желанием прикоснуться к нему.

Это был обет господина и слуги: вышитый амулет с закрашенным большим кругом управлял подчиненными и позволял властвовать над жизнью и смертью тех слуг, на чьей груди были отмечены маленькие кружки.

Цзи Чаоань принялся шарить снаружи и в проходе нашел остатки сожженного вышитого амулета, от которого уцелел лишь уголок.

Стало быть, тот, кто изготовил этот амулет, обладал поистине скверным мастерством: чтобы заклинание сработало, ему приходилось активировать его с самого близкого расстояния.

Это раз.

И два... эти мошенники и впрямь действовали по чьему-то наущению?

Такое положение дел поистине превзошло ожидания Цзи Чаоаня.

Еще когда он узнал, что тот юнец — Цинъюань, в его памяти всплыло одно давнее воспоминание.

В годы его детства Управление Девяти Законов уже разоблачало одну мошенническую шайку. Эти люди использовали цинъюаня, чтобы отравлять богатые семьи, а поскольку цинъюани встречались крайне редко и шайка состояла из искусных умельцев, симптомы отравления выглядели точь-в-точь как одержимость злыми духами.

Затем эти жулики заявлялись в дом под видом экзорцистов, чтобы изгнать бесов, и выманивали деньги.

Если бы дело ограничивалось только этим — ладно, но ведь эта банда калечила жизни порядочных женщин. Под предлогом изгнания духов они выведывали все тайны семейств, выбирали тех молодых, что лучше всего подходили для вскармливания, а после тайком похищали их и продавали неизвестно куда.

Поскольку их действия становились все более наглыми и бесчинными, а скандал разрастался, в двадцатый год правления Жунву Управление Девяти Законов наконец окружило их и устроило облаву.

Главный злоумышленник прямо на месте принял яд и покончил с собой, поймать удалось лишь одного цинъюаня.

Хотя цинъюань и слыл самым ядовитым пернатым в Поднебесной, его родословная была невероятно редка — его по праву можно было назвать порождением древности, и по идее преступника стоило бы помиловать.

Однако Королева Фань лично издала высочайший указ, в котором провозгласила, что его кровь несет смертельный яд и не приносит никакой пользы, к тому же он помогал творить злодеяния, из-за чего сотни молодых девушек бесследно сгинули, а значит, он поистине заслуживает казни и без его смерти народный гнев не утихнет.

Потому был вынесен приговор: рассечь пополам у ворот Умэнь, а остатки костей и плоти сжечь на месте, не оставив ни малейшего следа.

И хотя Цзи Чаоань проявлял величайшую осторожность, он все равно никак не ожидал, что у этих мошенников... обнаружится тайный покровитель?

И стоило Цзи Чаоаню обнаружить их след, как человек за кулисами без колебаний пожертвовал этими пешками.

Выходит... так называемое самоубийство путем принятия яда и смертный приговор под предлогом того, что без убийства не унять народный гнев, — неужто все это было затеяно лишь затем, чтобы замести следы?

Цзи Чаоаня едва не распирало от смеха. Луоцзин и в самом деле представлял собой грязную до

отвращения паутину, где стоило дернуть за любую ниточку, как это тут же втягивало в бесчисленное множество запутанных передраг.

Раз так, задерживаться здесь дольше было нельзя. Кончиком меча он легко подцепил кошель на поясе убитых, забрал оставленные на столе записи и уже собрался уходить, как вдруг услышал тихий стон.

Он замер на месте, оглянулся: юноша слегка пошевелился и с растерянным видом открыл глаза.

— Учитель... — слабо позвал он. — Учитель...

Цзи Чаоань помолчал с пару мгновений, но все же вернулся к двери и стер тщательно выведенный им сложный узор, состоявший из трех переплетенных рун.

Юноша обнаружил, что снова может двигаться, вот только в груди невыносимо пекло, сердечные каналы были тяжело повреждены, и при малейшем движении из его рта хлынула кровь, в которой даже виднелись мелкие ошметки плоти.

Цзи Чаоань остановился за пределами зоны, куда брызнула кровь, оставил флакон с зеленым целебным порошком, взятым из дорожного кошельа Хуан Шоу, и произнес:

— Твой учитель мертв. Его прикончил собственный хозяин, замата следы. Тебя тоже должны были прикончить вместе с ним, но тот амулет оказался слишком неказистым, да и живучесть у цинъюаней на редкость крепкая... Раз уж ты не умер, принимай лекарство как положено, а в дальнейшем...

Цзи Чаоань умолк: он и сам не знал, что ждет этого юношу в будущем.

Впрочем, сейчас шел всего лишь семнадцатый год правления Жунву, и хотя Сюань Людао с Хуан Шоу успели облапошить немало народу, на их счету пока числилось не так много похищений порядочных девушек, так что даже если этого юнца схватят, преступление не потянет на смертную казнь...

Он вздохнул:

— Береги себя.

Юноша тихо заплакал — прерывисто, беззвучно, словно осиротевший детеныш зверя, разлученный с матерью.

— Это ты во всем виноват... — всхлипнул он. — Это из-за тебя погиб учитель... Верни мне учителя...

Цзи Чаоань прижал к груди беспокойно ерзающего серого кролика и мягко произнес:

— Братец, тебе больше не нужно бояться. Тот, кто бил тебя, мертв и больше никоим образом не сможет причинить тебе вред. Впредь ступай куда пожелаешь и делай что хочешь, удержать тебя он больше не сможет.

Сказав это, Цзи Чаоань больше не стал задерживаться и покинул двор тем же путем.

Выбравшись из Грязевого переулка, он вернулся в книжную лавку в Переулке Хуайшу и еще издали заметил у входа прилично одетого слугу. Лицо того показалось ему знакомым — это был человек из Резиденции графа Чэнъи, который уже несколько раз приносил Цзи Чаоаню провизию и одежду.

Вот только после того, как граф уехал по делам службы из столицы, люди из графского особняка стали относиться к нему всё небрежнее и уже месяца два-три не привозили припасы вовремя.

Цзи Чаоань слегка нахмурился, спрятался в переулке и тихо шепнул:

— Маленькое Деревце Хуай, посиди здесь тихонько.

Он попытался вытащить кролика из-за пазухи, но тот вцепился в его одежды лапами и зубами, наотрез отказываясь разжимать хватку, и прижался к груди с видом существа, которое ни за что не сдвинется с места.

Цзи Чаоань снова заговорил:

— Если не хочешь прятаться снаружи, тогда сиди у меня за пазухой смирно и что бы ни случилось, ни в коем случае не шевелись. Сам знаешь, что тебя сейчас ищут. Я иду на огромный риск, возвращая тебя с собой, и если тебя обнаружат, мало того что схватят, так и мне не поздоровится. Тогда локти кусать будет поздно, понимаешь?

Серый кролик пискнул:

— Цик!

Цзи Чаоань мысленно вздохнул: это, надо полагать, означало понимание.

Он легко надавил на грудь — к счастью, кролик был достаточно мал, а ватник — достаточно просторен, так что под одеждой не было заметно ничего подозрительного. Только после этого он изо всех сил потер глаза, напустил на себя скорбное выражение лица и направился к книжной лавке.

Слуга и впрямь заметил его, слегка поморщился от едва скрываемого раздражения, но голос его прозвучал почтительно:

— Молодой господин, старая госпожа велела передать вам слово: послезавтра состоится поездка на родину для жертвоприношения предкам, она просит вас поехать вместе со всеми.

Цзи Чаоань промолчал.

Старая госпожа из Резиденции графа Чэнъи, то есть двоюродная бабка Цзи Чаоаня, приходилась ему дальней родственницей по седьмому киселю, и они никогда не были близки. К тому же, насколько ему было известно, здоровьем она не блистала и делами давно не занималась — сейчас в графском особняке всем заправляла госпожа Ян.

Именно госпожа Ян приложила все усилия, чтобы устроить замужество Цзи Чаоаня с Резиденцией герцога Чиго вместо Цзи Чжаонин.

Лишь потому, что все считали старшего сына герцога Чиго Гао Яо при смерти, а Резиденция герцога Чиго трещала по швам и катилась к закату. Цзи Чжаонин рос вне всякой меры избалованным, с какой стати ему прыгать в огненную яму? Даже если бы он согласился, его матушка Ян ни за что на свете не позволила бы ему этого.

Однако брак между законным сыном графа Чэнъи и наследником герцога Чиго был заключен по воле покойного императора и отмене не подлежал. Тогда Ян придумала план подмены: усыновить Цзи Чаоаня, записав его в законные сыновья, а затем выдать замуж за Резиденцию герцога Чиго.

Цзи Чаоань вовсе не желал связываться с Резиденцией графа Чэнъи, но кто бы мог подумать, что на этот раз госпожа Ян сама объявится.

Видя, что Цзи Чаоань молчит, слуга повторил свои слова, а затем добавил:

— Молодой господин, послезавтра спозаранку я зайду за вами.

Цзи Чаоань ответил:

— Не нужно. Передай от моего имени двоюродной бабушке, что я все еще ношу тяжелый траур, а потому мне не пристало общаться с родственниками. Как пройдет шесть лет и траур закончится, я непременно приду поклониться ей в ноги.

Слуга остолбенел:

— Шесть... шесть лет?

Цзи Чаоань нахмурился:

— Мои родители оба умерли, по правилам положено носить тяжелый траур семь лет. Ты даже этого не знаешь?

Слуга не то чтобы совсем ничего не знал — просто он никогда не ставил семейные дела Цзи Чаоаня ни во что.

Цзи Чаоань не захотел тратить лишние слова и, спровадив слугу, поспешно вернулся в дом, тщательно запер дверь на засов, выложил серого кролика на стол и принялся обрабатывать его раны.

В то же время он погрузился в раздумья и тихо проговорил:

— Этот старик по фамилии Хуан и впрямь обладал кое-какими истинными навыками: сумел разглядеть на тебе две печати. Теперь, когда мы узнали названия этих печатей, появилась зацепка для поисков... Жаль только, что он мертв.

Он присыпал кролика целебным порошком, одним пальцем прижал его вздернутую кверху мордочку и предупредил:

— Маленькое Деревце Хуай, ты смотри мне, даже не вздумай силой пробивать печати... Послушай-ка: Онда Убийства Души, Онда Увядающей Весны — если попытаешься сопротивляться одной лишь силой крови, это непременно повредит твою первозданную душу, и тогда раны будет трудно исцелить.

Он вовсе не преувеличивал: в прошлой жизни Гао Хуай действительно поступил именно так, из-за чего нажил себе тяжелейшие скрытые недуги.

Сделав внушение, он продолжил:

— Печати нужно снять как можно скорее... Если и дальше оставаться кроликом, рано или поздно тебя кто-нибудь стянет. Этот негодяй Гао Яо отличается на редкость подозрительным нравом, он наверняка не поверит сказкам о пожаре. Поверь мне, раз Хуан Шоу смог это разглядеть, значит, найдутся и другие умельцы. Я попрошу людей навести справки.

Успокоив серого кролика, он отнес его обратно в западное флигеле, положил рядом с ним плюшевую морковку, потер глаза и произнес:

— Я крутился с самой полуночи, пойду вздремну немного, и ты тоже как следует отдохни. А обо всем остальном потолкуем, когда наберемся сил.

Зевая, Цзи Чаоань вернулся в восточное флигеле, лег и сразу же крепко заснул.

Серый кролик с презрением пихнул лапой плюшевую игрушку, выпрыгнул в окно, проскользнул обратно через щель в восточный флигель, нашел уютное местечко у подушки Цзи Чаоаня и свернулся клубочком.

Вблизи он прислушивался к размеренному и ровному дыханию ребенка, а его черные глазки неотрывно следили за бледным лицом спящего Цзи Чаоаня. Мальчик был отягощен

бесчисленными заботами, и даже во сне его брови едва заметно хмурились.

Вдоволь наглядевшись, серый кролик наконец тоже закрыл глаза. Человек и кролик спали в полной тишине.

Циньюань: название птицы. «Каталог гор и морей. Книга западных гор: третья» гласит: На холме Куньлунь обитает птица, по форме напоминающая пчелу, размером с мандаринку, имя ей циньюань. Жалит птиц и зверей — те погибают, жалит деревья — те засыхают.

Читается как «хэ» в первом тоне, означает «жалить».

Иными словами, циньюань — это пчела размером с мандаринку, которая жалит насмерть каждого, к кому прикоснется.

Называть ее сильнейшей ядовитой птицей в Поднебесной как-то не совсем соответствует истине...

Визит знатных особ

Не успели оглянуться, как пролетел первый лунный месяц, погода потеплела, все живое возродилось к жизни, ивы и тополя покрылись нежными желтовато-зелеными молодыми листьями, и весь Луоцзин словно окутался в зыбкую, сказочную дымку.

Цзи Чаоань соорудил во внутреннем дворе беседку для винограда — разумеется, не своими руками, все сделал Сяо Маня вместе с одним из работников.

Поначалу Сяо Маня терзался чувством вины из-за того, что задний двор сгорел, и тайком говорил Цзи Чаоаню:

— Во всем виноват я, верно ведь, я плохо справился с поручением и подвел хозяина...

Цзи Чаоань оборвал его на полуслове и с улыбкой произнес:

— С чего это братец Сяо Маня говорит такие глупости? Ты отродясь все делал безупречно, не было еще случая, чтобы ты сплеховал.

Сяо Маня опешил, вспомнив, как Цзи Чаоань наставлял его: как только дело будет сделано, больше никогда к нему не возвращайся и считай, что ничего не было.

То, что ему поручили сделать, было донельзя простым: всего-навсего плеснуть немного тунгового масла, бросить на землю неисправное огниво да пошуметь во дворе, а увидев людей, дать деру.

Поразмыслив как следует, он наконец с опозданием сообразил, что Цзи Чаоань велел ему это не для того, чтобы кого-то испугать, а исключительно с целью разозлить Ма Шо, ну или подать

некий намек.

Выходило, что поджог, устроенный Ма Шо, пришелся как раз по душе Цзи Чаоаню.

Теперь-то у этого семейства наверняка было по горло судебных тяжб, и они уже не смогли бы докупать Юнчэнской книжной лавке.

Сяо Маня потратил немало сил, пока до него дошел весь этот замысел. Мальчишка сопляком еще не дорос, а обладает таким умом — тут невольно проникнешься не столько удивлением, сколько глубоким уважением.

Прежний хозяин был человеком умным, значит, и его сын — умник! И умом хорош, и нравом пригож, если идти за молодым хозяином, точно не пропадешь!

С той поры Сяо Маня старался в работе еще усерднее.

Вот только перед открытием лавки оставалась одна трудная задачка: подобрать управляющего, который приглядывал бы за магазином.

Сяо Маня во всем проявлял расторопность, но его жизненного опыта пока не хватало для ведения лавкой, а Цзи Чаоань нынче был завален заботами со всех сторон и не мог постоянно сидеть в магазине.

У него в мыслях вертелось несколько кандидатур — тех, кто в прошлой жизни следовал за ним в крупных делах, и управляться с ними было одно удовольствие. Но звать их ради ведения крошечной книжной лавкой означало палить из пушки по воробьям.

Цзи Чаоань с одной стороны ломал над этим голову, а с другой — заключал договоры на поставку книг с различными книготорговцами, попутно распуская слухи, что желает приобрести несколько редких медицинских и долголетних трактатов в качестве сокровища лавки.

Власти провели обыск до конца, и дно Юнчэнской книжной лавки было вычищено начисто. Цзи Чаоань опасался, что такие книги, как трактаты по культивации или труды по истории и политике, легко могут задеть запретные темы и снова навлечь на них проверку Управления Девяти Законов.

Книги о врачевании и спасении жизней — неужто они способны навлечь беду? — с таким наивным видом рассуждал Цзи Чаоань перед торговцами. Те же лишь многозначительно затягивали речи, тяжело вздыхали и в конце концов обещали приложить все силы к поиску.

Разве в этом мире что-то дается легко? Если Управление Девяти Законов решит придраться, то даже если в лавке будут торговать чистой белой бумагой, и тогда найдут изъян. У людей

существовала литературная инквизиция, и духи, хотя и отдалялись все больше от людского рода, охотно перенимали это дело точь-в-точь.

Разве Цзи Чаоань не понимал этой истины? Он просто прикидывался дурачком, пользуясь случаем, чтобы попутно раздобыть книги, связанные с древними печатями.

Отыскать управляющего пока не удавалось, а Цзи Чаоань крутился как белка в колесе. Проверял списки поставок, указывал двоим работникам, как расставить все по полочкам и категориям; водил серого кролика на утреннюю зарядку и боевые упражнения, а вечерами занимался грамотой. Когда же выпадала свободная минута, погружался в изучение записей, оставленных Хуан Шоу.

Оказывается, те две печати, наложенные на Гао Хуая, восходили к незапамятным временам, когда двенадцать великих колдунов Куньлуня еще ходили по земле.

В ту пору Хуан-ди объединил три мира, и все духи склонились перед ним — лишь шесть свирепых зверей во главе с Чи Ю не покорились и, восплавав гневом, устроили смуту, неся бедствия людям.

После поражения из-за своей на редкость крепкой природы они оказались бессмертными, и тогда Хуан-ди обратился к двенадцати великим колдунам Куньлуня, чтобы те запечатали и подавили каждого из свирепых зверей под Небесной Бездной.

Онда Убийства Души служила для уничтожения духовных тел, Онда Увядающей Весны — для разрушения самой природы судьбы, а вдобавок потомки рода Хуан-ди из поколения в поколение истребляли их плоть. Шло время, капля за каплей долгие годы точили камень, и лишь тогда этих шестерых свирепых зверей удалось искоренить окончательно.

Те две свирепые печати, дошедшие до наших дней, разумеется, уже утратили ту мощь, которой обладали в руках великих колдунов в древности, однако оставались всё такими же сложными и таинственными. Что же до того, кем именно являлся тот человек, оставивший печать, герцог Чигу до самой смерти хранил молчание и не выронил ни слова.

Тайна оставалась неразгаданной на протяжении двух жизней.

В конце концов Гао Хуай за счет врожденной силы души мощного зверя хуа силой прорвал печать, но поплатился за это тяжелейшими ранами. Раны души поддавались исцелению с огромным трудом, и в свои последние годы Гао Хуай изнемогал от мучительных страданий, влача кошмарное существование, из-за чего его нрав совершенно испортился.

Именно поэтому на сей раз Цзи Чаоань ни за что не позволил бы ему вновь наступить на те же грабли и поплатиться столь страшной ценой.

Вот почему он то и дело увещевал серого кролика мириться со своим положением, усердно учиться и изо всех сил отыскивать способ снять печати.

Дни пролетали незаметно, прошло уже больше половины лунного месяца, и Юнчэнская книжная лавка наконец вновь распахнула двери.

Торговля шла вяло, но книжная лавка изначально была тихим ремеслом, и когда Сяо Маня вместе с другим работником Сун Линем дежурили в передней лавке, они вполне могли совмещать это с чтением книг, так что даже скромное жалование вполне себя оправдывало.

Цзи Чаоань же, пользуясь хорошей погодой, во внутреннем дворе принялся мыть шерстку кролику.

Обычные кролики от воды легко заболевают, но Маленькому Деревцу Хуай, разумеется, это было нипочем: в своей истинной ипостаси он представлял собой огненного зверя, да к тому же самого свирепого из хуа. По слухам, пламя взрослого хуа способно сжигать леса дотла и высушивать моря, так что купание в воде не представляло для него никакой угрозы.

Тем не менее, стоило окатить его ковшиком горячей воды, как этот пушистый комок размером с пол-ладошки мгновенно съезжился до мокрого мясного шарика величиной с четверть ладошки. И даже под лучами солнца и дуновением ветерка он продолжал отчаянно дрожать, прищулив глаза и превратившись в жалкое крошечное создание, отданное на милость победителя.

Цзи Чаоаню стало смешно. Он поспешно ускорил движения, намылил и ополоснул зверька, завернул его в мягкую сухую хлопчатобумажную ткань и унес обратно в комнату.

Кролик от холода весь дрожал и норовил забиться ему за пазуху. Цзи Чаоань уже собрался засунуть его под одежду, как вдруг услышал стук во входную дверь во дворе. Ему пришлось вернуть серого кролика в гнездо, укрыть маленьким ватным одеяльцем, а сверху еще прижать плюшевой морковкой.

Затворив дверь комнаты, он вышел откликнуть на стук во дворе.

Со времен того пожара Цзи Чаоань тщательно скрывал появление кролика, не посвятив в это даже Сяо Маню.

Увидев, что Цзи Чаоань ушел по делам, кролик снова отбросил лапой игрушку, выбрался из-под ватного одеяльца и, усердно отряхнувшись с головы до хвоста и до самого кончика ушей, в мгновение ока высушил мокрую шерстку.

Он тоже знал, что ему сейчас нельзя показываться на глаза людям. Услышав голоса снаружи, он послушно затаился в комнате и запрыгнул на письменный стол.

На столе были развернуты те самые записи старика Хуана, а рядом лежала стопка бумаги, сплошь исписанная аккуратным, ровным почерком — это были конспекты самого Цзи Чаоаня.

Маленькое Деревце Хуай к тому времени уже выучило несколько иероглифов. Обязательно двигая пушистым задком, он улегся на эту стопку бумаги и с трудом принялся разбирать написанное:

— Онда Убийства Души... Двенадцать... Снять (пробить)... Культивация...

Хотя Маленькое Деревце Хуай узнавало далеко не все иероглифы, он все же понимал: здесь пытаются отыскать для него способ взрастить человеческий облик. И тот крошечный силуэт, что сидел при свете свечи за книгами — все это было ради него самого.

Маленькое Деревце Хуай, конечно, радовался, но маленький Гао Хуай был переполнен сомнениями.

Он так хорошо к нему относится.

С какой стати он относится к нему так хорошо?

Если он проявил сиюминутный каприз, а потом вдруг перестанет о нем заботиться — что тогда делать?

Серый кролик снова забрался на записи старика Хуана и принялся перелистывать их туда-сюда, смутно уловив одну мысль.

Если совсем прижмет и выхода не останется, можно пойти напролом — прибегнуть к силе и силой сокрушить печать.

Хотя Цзи Чаоань строжайше запрещал ему прибегать к этому методу, но...

Кролик поднял голову и посмотрел на антикварную полку у стены, где в строгом порядке стояли ряды маленьких лекарственных флаконов: белых, красных, зеленых и черных, насчитывающих добрый десяток штук.

В белых фарфоровых бутылочках хранились пилюли для культивации и укрепления духа. Если он будет усерднее заниматься, укреплять душу да подкреплять это пилюлями... пожалуй, стоило попробовать.

Как-то раз ему довелось подслушать рассказы сказителей о том, что мальчики с трагической судьбой обретали новую жизнь и совершали невероятный поворот в судьбе только после того, как съедали чудесные лекарства.

Редкие пилюли доставались нелегко, и Цзи Чаоань, пожалуй, жалел бы их для него, но... раз он сейчас украдкой съедет их, а потом, когда отрастит человеческое тело, вернет всё Цзи Чаоаню в сто- или тысячекратном размере.

Исполненный решимости, серый кролик со стола прыгнул на антикварную полку, выбирая белый фарфоровый флакон, стоявший посредине.

Однако кролик оставался кроликом — его лапки были короткими и слабыми. Он толкал бутылочку несколько раз, но та не сдвинулась с места. Разъяренный кролик резко взмахнул лапой, но стоявший под ним лакированный стеллаж тут же скользнул, и его тело полетело вниз, увлекая за собой целую горку флаконов, которые с громким треском и звоном покатались и загремели по полу.

Сяо Маня ждал у входа во внутренний двор и, заведя вышедшего Цзи Чаоаня, с тревожным лицом тихо проговорил:

— Пришел гость, судя по всему, весьма знатного происхождения... Что-то мне это не нравится.

Цзи Чаоань произнес:

— Я пойду взгляну.

Внутри лавки было светло и чисто. Войдя туда, Цзи Чаоань увидел у книжных полк всего двух гостей, которые разглядывали книги. Сун Линь стоял в нескольких шагах с подобострастной улыбкой, выказывая предельную услужливость.

Эти двое явно были господином и слугой. Хозяином оказался ю лет пятнадцати-шестнадцати, с утонченными и красивыми чертами лица. Волосы его были собраны на макушке с помощью всего лишь одной нефритовой шпильки из бараньего жира, источавшей мягкий матовый блеск, на нем был шелковый халат цвета сандалового дерева с вышитым темным узором из облаков и волн, а поверх накинута парчовая накидка с бамбуковыми листьями самого модного покроя.

<http://bllate.org/book/21199/2145915>